

МАРИНА ВЕТРОВА • АДА ОГНЕВА

Должница
ДЛЯ ЖЁСТКОГО
МИЛЛИАРДЕРА

Ада Огнева

**Должница для
жёсткого миллиардера**

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Должница для жёсткого миллиардера / А. Огнева — «Автор»,
«Автор», 2026

Я совершила непростительную ошибку: назвала богатого наследника грязным нуворишем. На следующий день мой семейный долг удвоился. Меня лишили стипендии, выгнали из общежития и оставили без денег. Максим Волков — наследник миллиардной империи — предложил выход. Стать его личной тенью. Подчиняться приказам, сопровождать на закрытых приёмах и молчать обо всём. Он хотел сломать меня. Превратить в послушную игрушку. Но однажды я обнаружила страшную правду: его семья причастна к гибели моего отца. Теперь у меня есть выбор: уничтожить империю Волковых или довериться мужчине, который привык покупать чужие судьбы. И что делать, если сердце предательски тянется к тому, кого я должна ненавидеть?

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Ветрова

Должница для жёсткого миллиардера

Глава 1

«Нувориш». Нашла ведь слово. Отец когда-то объяснил его значение, а я выкрикнула на весь зал в лицо Максиму Волкову. Он обернулся от бухгалтера ко мне и замолчал. Мне бы тоже замолчать. Но я повторила ещё и «грязный», чтобы уж наверняка расслышал. Утром пришло уведомление об удвоении долга; фамилии Волкова в нём не было.

Распечатку я зажала в кулаке так, что сумма оказалась на сгибе. Пришлось расправить её на столе декана. От спешки я пропустила стук в дверь, приветствие — всё, что обычно говорила, входя к преподавателю. Зато он успел достать мою папку. «Морозова А.И.» стояло на корешке, и ещё одну отговорку про сбой сервера я бы уже не приняла.

— Объясните, что это значит, — выдохнула я, тыча пальцем в распечатку с суммой долга, умноженной на два. Голос дрожал, но я заставила себя смотреть прямо в глаза лысеющему мужчине за столом. — Это ошибка. У нас всё было улажено. Стипендия...

Декан перевёл глаза с моего пальца на лицо. Я ткнула в сумму ещё раз: смотреть надо сюда. На лицо он и вчера мог посмотреть.

— Алиса Игоревна, пункт 14 договора о финансовой несостоятельности семьи был активирован автоматически после инцидента вчера вечером, — произнес он монотонно. — Поведение студента признано дестабилизирующим для репутации учебного заведения. Долг пересчитан с учетом штрафов.

Штрафы? За то, что я заступилась за человека?

— Вы ссылаетесь на устав! — я схватила за край стола, костяшки пальцев побелели. — Там сказано: «презумпция добросовестности». Вы не имеете права...

— А вот и имеем, — декан лениво открыл папку и выкатил на стол документ. Справка о доходах моих родителей. Подпись. Печать. Дата. Год назад.

Я узнала свою подпись, а цифры — нет. Год назад куратор показал, где расписаться, и я послушно заполнила нижнюю строку. Даже ручку у него взяла. Теперь там получалось, что мама зарабатывает столько, сколько мы вдвоём не видели за несколько лет. Я провела ногтем по печати. Копия настоящая, подпись моя. И доказывать, кто вписал доходы, тоже придётся мне.

— Выходите, — бросил декан, возвращаясь к своим бумагам. — Следующий.

В коридоре я остановилась у стены и отлепила футболку от спины. Меня не отчислили. Пока. Вот за это «пока» и надо было держаться, а не бежать обратно к декану с тем же листком. Дойду до комнаты, сяду на кровать, заряджу телефон. Потом можно искать человека, который знает договоры лучше меня. Сначала — до кровати.

Возле лифта уже приклеили «Не работает». Я и не стала жать кнопку; поднялась по лестнице, считая пролёты. На втором перехватила дыхание. У кроссовка отклеилась подошва, я зацепилась ею за край ступени и дальше шла, придерживаясь перил. Дверь 204 я узнала по царапине возле замка. Дома.

Только на моей двери висело «Занято». Новая пластиковая табличка закрывала след от скотча, на котором мы крепили расписание дежурств. Так быстро. Я ещё не успела дойти от декана, а здесь уже всё прибили.

Я толкнула дверь. Она не открылась. Я ударила плечом, потом еще раз, крича в замочную скважину:

— Эй! Здесь кто-нибудь?! Это моя комната!

Девушка распахнула дверь и выдохнула мне в лицо пар. Пришлось отступить, кашляя. Она даже не запахла халат; шёлковый пояс болтался на одном узле, будто это я вторглась к ней с утра. За её плечом виднелись мои учебники. Их спихнули в угол, обложка по статистике загнулась. Зато плюшевому медведю отвели всю мою подушку.

— Ой, простите, — она улыбнулась, но глаза остались холодными и пустыми. — Вы кто?

— Морозова. Алиса Морозова. Здесь была моя комната! Верните ключи!

— Морозова? — она щелкнула языком, доставая из кармана халата мой студенческий пропуск. Тот самый, который я потеряла вчера в столовой. — А, эта бедная девочка с факультета экономики. Знаешь, Максим сказал, что твои вещи можно убрать в коробку. Но коробка занята моими книгами по маркетингу. Так что... извини.

Пропуск ударился об пол возле моего кроссовка. Я нагнулась, но девушка осталась стоять в дверях. Пока я ловила пластик двумя пальцами, она продолжала говорить мне в макушку.

— Пропуск деактивирован, детка. Система безопасности работает без сбоев. А твоя комната теперь принадлежит дочери главного спонсора курса. Иди жалуйся ректору, если хватит сил.

В щели под её локтем я заметила свою сумку и протянула руку. Девушка недовольно отодвинулась. Я вытащила сумку, проверила на ощупь папин снимок; остальное она обещала вынести. Где и когда, спросить не дала — закрыла дверь, чуть не прищемив ремень.

Я дёрнула ремень и отошла. За дверью уже играла музыка. Про вещи хотелось спросить ещё раз, но после этого «детка» я не могла заставить себя снова постучать.

За спиной кто-то пошёл прямо на меня. Я повернулась и получила плечом в плечо. Полина Черных. В тесном месте она умела проходить так, что чужая вина выглядела очевидной. Дочь ректора, наша королева — и вполне довольная тем, как я качнулась к стене.

Я попыталась удержать сумку, но ремень соскользнул с пальцев. Молния на ней давно расходилась; теперь по полу посыпались ручки и конспекты. Последней выскочила рамка с фотографией отца. Угол был сколот ещё дома, и я берегла её от каждого удара. Рамка остановилась возле Полининой туфли.

— Ой, какая неловкость! — Полина сделала шаг назад, изображая испуг, но её губы растянулись в усмешке. Она наступила на фото отца. Каблук туфли вдавил стекло в картон.

Я видела, как стекло треснуло под её каблуком. Она не убирала ногу. Ударить хотелось именно сейчас, пока она ещё улыбается, но я заставила себя разжать пальцы. Декан только и ждёт такого случая. Я опустилась на колени за рамкой, а Полина отступила — наконец можно было достать фото.

Полина присела, подбирая рамку, и протянула мне, не глядя в глаза.

— Максим сказал, что ты теперь его проблема, — шепнула она так тихо, что слышно было только мне. Её дыхание пахло мятой и дорогим алкоголем. — Не усложняй ему жизнь, грязь. Он любит порядок. А ты... ты хаос, который нужно заткнуть.

Я забрала рамку и повернула картонной спинкой вверх, чтобы стекло не высыпалось. Полина ушла. На полу ещё лежал конспект по праву, страница раскрылась на правилах внутреннего распорядка. Я засунула его в сумку первым. Хорошие у нас правила. Очень помогают.

Желудок свело. Со вчерашнего утра я только пила воду. Хотя чай с сахаром, хоть булка — надо было найти что-нибудь, пока ноги ещё держат.

У Артура Ланского должна была быть консультация. Он не спрашивал, почему у меня старый учебник, когда я приносила задачи; садился и объяснял, где сбился расчёт. Я пойду к нему. Пусть ничего не решит с деньгами, но хотя бы скажет, кому жаловаться. Одной я уже сходила к декану — хватит с меня на сегодня.

В преподавательской дверь стояла на упоре. Из-за стойки выглянула секретарь; цепочка от очков задела край чашки. Я остановилась, чтобы дать ей поставить чашку, и пожалела об этом: она уже взялась за следующую бумагу.

— Мне нужно видеть Артура Львовича, — просипела я, чувствуя, как трясется голос. — Пожалуйста. Передайте ему записку.

Она подняла подбородок и оглядела меня — с мокрого воротника до сумки с раскрывшейся молнией. Я подтянула ремень на плечо. Сколько ещё раз за сегодня придётся объяснять, кто я?

— Студенты-мошенники не имеют права передавать сообщения сотрудникам факультета, — процедила она.

— Но я не...

— Артур Львович занят подготовкой документов о вашем отчислении, — перебила она, забирая у меня клочок бумаги, на котором я успела написать просьбу перезвонить. И тут же разорвала его на мелкие кусочки. Бумажные конфетти посыпались на пол. — Проходите мимо.

Кусочки записки легли у её туфель. На одном сохранилась половина моего номера. Подбирать? Она смотрела и ждала, что я стану. Я отошла от стойки, не наклоняясь. Телефон при мне; до Артура ещё можно дозвониться. Только сначала бы перестать дрожать.

В столовой я встала за парнем с подносом и следила за его тарелкой. Картошка, две котлеты. Мне бы хотя бы половину. От горячего масла начинало мутить, но выйти из очереди было страшнее: на улице опять останусь с пустым желудком. У кассы я приложила карту, придерживая её второй рукой.

Терминал пискнул красным светом.

«Баланс заблокирован. Задолженность превышена».

— Это ошибка, — сказала я кассирше, девушке с веснушками, которая обычно была милой. — Я оставлю телефон в залог. Или дайте воды. Пожалуйста, я не ем вторые сутки.

Кассирша отвернулась, делая вид, что проверяет что-то в системе.

— Следующий! — крикнула она громко.

Сзади хихикнули. Девушка с телефоном подняла его повыше, чтобы в кадр попали и я, и терминал. Я прикрыла надпись ладонью. Она обошла меня сбоку; пришлось отнять руку — держать чужую камеру я уже не могла.

— Ты та самая, что подделала справку? — спросил парень из очереди, не пряча улыбки. — Говорят, Волков сам тебя сдаст?

Я отодвинула поднос с нетронутой едой и выбежала из столовой.

Глава 2

Под навесом главного корпуса я поставила сумку на ступеньку. Дождь доставал и сюда; я отодвинулась к стене, а сумку прижала ногой, чтобы не намокла фотография. Мокрый воротник лип к шее. От стука зубов заболела челюсть, и я прикусила губу. В холл можно было войти, но там охрана.

В окне второго этажа включили свет. Я запрокинула голову: человек у стекла был знакомый. В руке бокал, на рубашке расстёгнут ворот.

Максим Волков.

Он стоял, прислонившись лбом к стеклу, держа в руке бокал. Дым от сигареты поднимался вверх, сливаясь с туманом за окном. Он смотрел вниз, на меня. Я прижалась к стене плотнее: спрятаться от окна негде. Пусть хотя бы видит, что я не отворачиваюсь.

Я стояла и смотрела на него. Полотенца, еды и разрешения подняться не просила. Хотелось, чтобы он хоть на минуту оказался здесь, в моих мокрых кроссовках. Без денег, машины и людей, которые бегут исполнять его просьбы.

Он поднял руку. Легкий жест. Приглашение внутрь.

Я отвернулась от окна и попыталась подхватить сумку. Пальцы соскользнули с ремня. Вот и весь мой красивый отказ: я даже сумку поднять с первого раза не смогла. Надо войти хотя бы в холл. Дальше буду спорить, когда перестану стучать зубами.

Водитель вышел из главного корпуса и раскрыл зонт ещё на ступенях. От полотнища полетели капли. Он заслонил меня от дождя, но пакет протянул только после того, как остановился напротив. Чёрный плащ на нём был сухой. Я невольно смотрела на воротник: на нём тоже ни капли.

— Алиса Морозова? — спросил он спокойно.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как слезы смешиваются с дождем на щеках.

— Господин Волков предлагает вам крышу над головой на одну ночь, — продолжил он ровным тоном. — Господин Волков ждёт вас наверху. Окончательные условия обсудите утром. Отказ означает ночевку в приюте для бездомных. Список таких мест уже отправлен в деканат для проверки вашей «социальной адаптации».

Приют и проверка деканата. Он произнёс это, будто спрашивал, куда меня отвезти после лекции. Я посмотрела на вход. Если сейчас откажусь, водитель свернёт зонт и уйдёт; вернуться следом будет ещё хуже. Я взяла пакет. Водитель молча придвинул зонт ближе.

В пакете было махровое полотенце. Тёплое — я сначала не поверила и прижала ткань к запястью. Между складками торчал листок плотной бумаги. Я вытянула его, держась за угол, чтобы не залить дождём. Даже для такой записки Волкову понадобилась хорошая бумага.

Развернула. Почерк резкий, угловатый.

«Ты моя тень теперь. Привыкай к темноте».

Я натянула полотенце на плечи, подхватила сумку и прошла в холл. Доводчик медленно закрыл дверь; дождь ещё несколько секунд был слышен в щели. Внутри я остановилась возле батареи. Наверху пахло сигаретами. Отсюда лестница вела к кабинету ректора и административному крылу.

Я оставила ладонь на батарее. Ещё десять секунд, всего десять — потом пойду. Полотенце уже намокло снаружи, но у шеи оставалось сухим. Я в него вцепилась. На одну ночь мне предложили тепло. Осталось узнать, чем я за него расплачусь.

На лестнице скрипнула ступенька. Я подняла голову, сжимая записку в мокрой ладони. Теперь он мог сам сказать, что значит «моя тень».

На втором этаже я остановилась перед его дверью и попыталась согнуть пальцы. Они болели, когда я сжимала кулак. Постучу — будет слышно, как я колочу в дверь от холода. Войду

без стука — будет повод придаться. Я взглянула на записку ещё раз, спрятала её и взялась за ручку. Сумка тянула плечо, полотенце сползало. Всё своё я приволокла к нему; остальные вещи уже могли лежать в баках у корпуса.

Я толкнула дверь.

Максим печатал за большим столом. Чашка стояла возле ноутбука, кофе ещё парил. Я заметила её раньше его лица и разозлилась на себя: сейчас попрошу пить, прежде чем потребую объяснений. В кабинете было жарко. Полотенце пришлось спустить с шеи, но куртку я не сняла.

— Вы позвали меня, чтобы я смотрела, как вы работаете? — бросила я, пытаюсь сделать голос твердым, хотя он дрожал.

Он допечатал строчку. Потом ещё одну. Я слышала каждую клавишу и смотрела на чашку, которую он мог спокойно взять, пока я стояла. В итоге подошла ближе. Если сделает вид, что не заметил меня и возле стола, я закрою ему ноутбук.

— Алиса Морозова, — произнес он наконец, не поднимая глаз. Голос был ровным, скупающим. — Ты стоишь в моей зоне личного комфорта. Это мешает мне работать.

— Мне нужно объяснение, — сказала я, стараясь дышать ровно. — Банк утверждает, что долг удвоился. Ректорат говорит, что моя стипендия аннулирована из-за... ошибки в документах. Я знаю, что это неправда. Я прошу просто человеческой справедливости. Посмотри на меня, когда говоришь о моей жизни.

Он посмотрел на мою руку у края ноутбука, потом поднял глаза. Серые, совсем светлые в свете лампы. Я ждала хоть раздражения; он, кажется, только прикидывал, закрою ли я крышку. Я убрала пальцы. Это он успел увидеть.

— Справедливость? — переспросил он, едва заметно усмехнувшись. — Ты пахнешь страхом и дешевой столовкой, Алиса. И твои руки трясутся так, будто ты сейчас упадешь в обморок. Или ты пытаешься вызвать жалость? Это старый трюк. Не работает на людях с деньгами.

Щёку дёрнуло. Вспомнилась еда в столовой, которую мне не дали, и я действительно могла упасть. Очень удачно для его наблюдений. Я сглотнула, чтобы не начать кричать с первой же фразы. Про жалость говорить не буду. У меня было предложение, его и надо изложить.

— У меня есть альтернатива, — выпалила я, цепляясь за любую ниточку. — Работа в библиотеке. Помощь преподавателям экономики. Я могу отрабатывать часть долга. Я готова на всё, кроме... того, что вы предлагаете через систему кредиторов.

Максим коротко хмыкнул. Он потянулся к стопке бумаг на столе и вытащил одну страницу, положив её перед собой.

— Библиотека? — Он покачал головой, словно я предложила ему посчитать до десяти. — Твой долг теперь числится не перед банком. Перед банком ты уже банкрот. Твой долг принадлежит мне. Лично. Как частному лицу. Никаких работ в библиотеке. Никаких часовых ставок. Только личная услуга.

Личная услуга. Я ещё держалась за край стола, но под этим словом пальцы сжались крепче. Что он имеет в виду, лучше спросить сразу. После подписи он объяснит мне, что я всё знала и согласилась.

— Что тебе нужно? — спросила я прямо, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Деньги? Секс? Просто желание видеть, как кто-то ползает у твоих ног?

Он отодвинул кресло, и я всё-таки отступила от стола. Не успела: Максим обошёл его и встал передо мной. Близко. Я подняла голову, чтобы видеть лицо, а он подцепил мой подбородок двумя пальцами. Пришлось запрокинуть его ещё выше. Я могла ударить руку сразу, но на секунду замешкалась от того, как легко он это сделал.

— Мне нужна твоя тишина, — прошептал он, наклоняясь ближе. Его дыхание коснулось моих губ. — И твое послушание. Мне интересно смотреть, как ломается такая гордая беднячка. Как она теряет остатки достоинства по одному кусочку. Это... увлекательно.

Я ударила его по кисти и шагнула назад. Подбородок ещё покалывал; хотелось вытереть его рукавом, но при Максиме я себе этого не позволила. Он опустил руку, как будто закончил поправлять воротник. А я стояла у стены и считала удары в виске. Ладонь моя оказалась горячей — удар вышел сильнее, чем я хотела.

— Не смейте так со мной говорить, — прошипела я, отступая к стене. — У меня есть связи. Артур Ланский... он может подать жалобу ректору. Он знает о ваших методах.

Лицо Максима не изменилось. Он достал телефон, разблокировал экран и показал мне снимок переписки. Там было имя Артура и текст сообщения деканату: «Прошу не применять дисциплинарных мер к студентке Морозовой ради сохранения репутации факультета. Она сама виновата в ошибках документов. Волков прав во всем».

Я перечитала последнюю строчку. «Волков прав во всём». Артур всегда держал для меня дверь, делился конспектами. Неужели он мог написать такое? Я потянулась к телефону Максима, чтобы открыть переписку, но он убрал экран. Мне оставалось смотреть на него и гадать, кому из них верить.

Глава 3

Я осела на ближайший стул. До конца разговора надо было выдержать; спорить о скриншоте сейчас я не могла. Он ещё говорил что-то, а я всё повторяла про себя последнюю строчку.

— Вижу, ты поняла, — сказал Максим, возвращаясь к своему месту. — Время исчерпано, Алиса. Выбор прост. Подписываешь договор о личном сопровождении на закрытые мероприятия холдинга. Тело, время, молчание. Взамен — аннулирование долга и временная регистрация в общежитии. Или я звоню службе безопасности. Те вещи, которые ещё уцелели, через час будут на свалке, а ты окажешься на улице в двадцать лет, без денег и без будущего.

Он протянул мне ручку. Черную, дорогую, с золотым клипом. Она выглядела как ядовитый червь.

Я прочла обещание про долг. Ещё раз. Маму он тоже мог вызвать сюда и говорить с ней таким же тоном, а она станет извиняться. Этого я не вынесу. Ручка скользила в мокрых пальцах. Условия были короткие, никуда не спрячешься: появляться с ним, молчать о договоре. Я поискала строку о расторжении.

Строка нашлась. Он заметил, куда я смотрю, и подвинул бумагу чуть ближе. — Прочла? Я кивнула. Прочла, да. Только ответа на вопрос, как отказать ему и не оставить маму с долгами, здесь не было.

В подписи первая буква поползла в сторону. Я придержала лист ладонью, дописала фамилию и убрала ручку. На бумаге появилось маленькое пятно от мокрого рукава. Документ подписан. Можно спросить, где мне ночевать, и уйти отсюда хотя бы до утра.

— Готово, — сказала я. Он услышал, хотя вышло совсем тихо. Я пододвинула лист и наконец отпустила его край.

Максим забрал листок. Он посмотрел на него секунду, затем сложил пополам. И порвал.

Первые обрывки он бросил в корзину, остальные порвал ещё раз. Я следила за пятном от своего рукава; оно оказалось на узкой полоске, которая прилипла к его пальцу. Максим стряхнул её вниз. Подпись он порвал вместе со всем остальным.

Я смотрела на корзину и всё ещё держала ручку. Зачем он заставил меня подписать, если сразу порвал? Забрала бы лист, но вместо него там теперь полоски. Вынуть их и склеить — вот до какой мысли он довёл меня.

— Шутка, — сказал Максим и улыбнулся. Я подняла глаза с корзины. Он ждал моей реакции и явно не собирался её облегчать. — Настоящий договор составят юристы завтра утром. Сегодня я просто проверял тебя на прочность.

— Зачем? Слово получилось с хрипом. Я откашлялась, но повторять вопрос не стала. Не будет у него ещё одной реакции в подарок.

— Потому что ты сломалась сразу, — ответил он, глядя на меня с презрением и интересом одновременно. — Я хотел увидеть твой страх. И я получил его. Ты не раб, Алиса. Ты игрушка. И эта игра только началась.

Максим подошёл к двери и открыл её. Так обходительно — после всего. Я перехватила сумку и поднялась со стула. От тепла в кабинете пальцы наконец отошли, теперь было больно держать ремень. Полотенце я забрала тоже. Если решит потребовать обратно, пусть скажет вслух.

— Завтра в семь утра, — сказал он так тихо, что я едва слышала сквозь шум крови в ушах. — Если опоздаешь хотя бы на минуту, я найду способ сделать твою жизнь адом не только для тебя, но и для твоей матери.

Я вышла на лестницу, где меня ждал Артур с виноватым, жалким взглядом. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но я лишь отвернулась, идя вниз, в темноту. Артур шагнул следом,

но я прибавила ходу. Сейчас я не вынесу ни его оправданий, ни ещё одного приказа Волкова. До семи утра надо было найти вещи и хоть немного поспать.

В семь утра у его кабинета я сняла чужие туфли. Пятки саднило, лучше уж босиком. Кроссовки остались сохнуть: ночью я вымыла их от мусорной жижи. Там же, в контейнере, нашёлся свитер — единственный чистый, если не считать запах. Я подтянула рукава и вошла. Пусть смотрит на грязные ноги; вчера ему для договора и этого не понадобилось.

Максим раскладывал бумаги перед собой. Я остановилась у стола и проследила, как он выравнивает два листа. На моём вчерашнем договоре ему аккуратность не потребовалась. Сегодня надо прочесть всё, прежде чем брать ручку. Я ждала, пока он освободит место передо мной.

— Садись, Морозова, — наконец произнес он. Голос низкий, без интонаций.

Я осталась стоять. Со стула придётся задира́ть к нему голову, а я пришла менять условия. Пальцы ног я поджала под себя. Не очень солидная поза для переговоров, но другую он мне сам устроил.

— Условия, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Пункт о публичном присутствии на вечеринках «Клуба инвесторов». Я хочу убрать формулировку «декорация». Я буду стоять рядом с тобой как студентка, а не как предмет интерьера.

Он откинулся в кресле. Я успела увидеть, как взгляд задержался у моих ступней, и переставила ногу. Улыбка стала шире. Ладно, надо смотреть в документ, а не проверять, что он там себе нашёл смешного.

— Ты торгуешься? — спросил он так, будто услышал анекдот. — Алиса, посмотри вокруг. Твой долг вырос вдвое. Твоя комната занята дочерью спонсора. У тебя нет ни дома, ни еды, ни будущего. А ты пытаешься перекроить договор аренды своей жизни?

Черновик он достал из ящика и бросил на свободное место. Я поймала лист за край, пока тот не упал со стола. Внизу стояла графа для подписи; я отогнула угол и начала читать сверху. Сразу к подписи больше не пойду.

— Читай пункт 4.2. «Ассистирующая сторона обязана обеспечить визуальное присутствие...» Видишь слово «визуальное»? Для меня ты просто красивая картинка. Куртка, которую можно надеть на выход и снять дома. Или выбросить. Выбор за тобой. Но цена одна: либо ты соглашаешься быть моей тенью, либо завтра утром твою мать вызовут на допрос по делу о мошенничестве. Ту справку о доходах, которую ты подписала год назад, уже передали на проверку.

Я перечитала пункт про сопровождение, хотя он говорил уже о маме. Четвёртая строчка двоилась. Не смотреть на него, пока не справлюсь с тошнотой. Вчера я отступила перед угрозой, сегодня попыталась торговаться — он нашёл, куда нажать, ещё до того, как я дочитала страницу.

Дверь распахнулась без стука.

В дверях появилась Полина. На туфлях сегодня не было ни царапины, а я вспомнила стекло под её каблуком и поджала босые пальцы. Она заметила, конечно. Оглядела меня с удовольствием и повернулась к Максиму — как к человеку, которому принесла забавную новость.

— О, Максим, я слышала, ты занимаешься благотворительностью? — ее голос звенел фальшивой нежностью. — Зачем тебе этот мусор? Она же нищая, грязная. Если хочешь развлечься, я могу найти кого-то получше. Девочку из первого курса, которая мечтает попасть в твой круг.

Полина шагнула к нему, задев меня локтем. Я отодвинулась, чтобы не выпустить договор, а она уже протянула руку к его плечу. Стала сбоку от кресла. Очень удобно: я перед столом, она рядом с ним.

Максим даже не повернул головы. Он смотрел только на меня, но его слова были адресованы Полине.

— Вон, Черных.

Полина остановилась с поднятой рукой. Я смотрела то на неё, то на Максима. Он даже не предложил сначала договорить. Она открыла рот — и на этот раз мне захотелось, чтобы он перебил её раньше, чем она снова назовёт меня мусором.

— Что? Максим, мы договаривались...

— Я сказал: вон. — Максим наконец повернул к ней голову. — Закрой за собой дверь. Ты здесь лишняя. Рука Полины упала. Я отошла ещё на полшага: пусть выйдет, проход ей свободен.

Перед уходом Полина посмотрела на меня. Я опустила глаза в договор, хотя хотелось улыбнуться ей вслед. Рано. Она ушла, хлопнув дверью, а я по-прежнему стояла босиком у его стола. Однако это «вон» я запомню.

Глава 4

Я всё ещё посматривала на дверь. Полина могла вернуться, позвать отца, испортить мне переговоры по-своему. Но Максим уже снова раскладывал бумаги. Надо спросить сейчас, пока он не отвлёкся и не решил, что можно отложить договор.

Он вывел первую букву в графе «Кредитор» и остановился. Ручка соскользнула ниже линии. Максим перехватил её, нажал сильнее, но пальцы продолжали дрожать. Я посмотрела на его лицо. Он стискивал зубы и ждал, пока кисть перестанет дёргаться.

Он спрятал дрожащие пальцы под стол. Я успела заметить и теперь не могла отвести взгляд от незаконченного росчерка.

Я потянулась придержать его локоть. Даже не придумала, как объяснить: просто привыкла помогать, когда у человека что-то не получается. Потом сообразила, кому помогаю. Рука уже оказалась над столом.

Максим отдернул локоть и уставился на мою ладонь. Я держала её в воздухе, не зная, куда убрать. Он сказал прежде, чем я успела оправдаться.

— Ты думаешь, я жалкий? — прошипел он. — Ты думаешь, твоя подачка смывает мою власть? Не прикасайся ко мне.

Кресло скрипнуло, я отшатнулась и убрала руку. Вот чего он не переносит — если я замечая, что ему бывает трудно. Ни слова больше про помощь. Я взглянула на недописанную подпись и поняла, что до сих пор он тоже не владел разговором целиком. Это можно было использовать.

Я выпрямила спину, игнорируя боль в ступнях.

— Хорошо. Давай говорить начистоту, Максим. Я подпишу. Но есть одно условие.

Он хмыкнул, убирая руку.

— Ты в позиции просителя, Алиса. У тебя нет условий.

— Есть. — Я достала телефон из кармана свитера. Экран светился красным индикатором записи. — Этот разговор записывается с момента моего входа. Если кто-то узнает о нашей сделке — если Полина или деканат поймут, что ты ради собственного удовольствия спас студентку, которой угрожают отчислением, — я выложу запись в сеть. Там уже ждут скандала. Твои инвесторы не любят, когда их капитал зависит от эмоциональных капризов наследника.

Максим встал. Я прижала телефон к свитеру, чтобы он не выхватил его. Он обошёл стол и подошёл; пришлось задрать голову, но отступать я не стала. Если хочет проверить запись, пусть попросит. Или попробует забрать при включённом диктофоне.

— Ты блефуешь, — тихо сказал он.

— Возможно. Но проверка стоит тебе репутации. А мне — ничего. У меня уже все отобрали.

Он смотрел, я держала телефон под ладонью. Пауза уже стала неудобной. Я боялась, что сейчас рассмеюсь от нервов, и прикусила щёку изнутри. Ему пришлось бы услышать и это в записи. Видимо, он решил обойтись без проверки — отвёл глаза.

Максим вернулся к столу. Я выдохнула только когда он сел. Пальцы вцепились в гладкий корпус телефона, на экране должна была уже идти следующая минута. Диктофон я не выключила.

— Ладно. Условие принято. Секретность двусторонняя. Теперь испытание.

Он положил рядом с договором несколько монет и указал подбородком на дверь.

— Кофе. Автомат в коридоре. Принеси мне стакан. Горячий. Без сахара.

Я моргнула.

— Босиком?

— Туфли у двери. Если натёрли — твои проблемы. Или ты предпочтешь, чтобы я позвонил ректору прямо сейчас и сообщил, что ты шантажируешь меня диктофоном?

Я посмотрела на туфли у двери. Могла надеть их и натирать пятки дальше, могла пройти босиком. Он сделал унижением даже поход к автомату. Я забрала монеты, чтобы не дать ему закончить угрозу звонком.

У автомата двое студентов обернулись на мои шаги. Я встала на носки, выбирая кнопку. Горячий стакан обжёг пальцы; можно было поставить его и подождать, но я уже слышала смешок. Пошла обратно, придерживая бортик второй рукой. Пол холодил ноги, а кофе жёг ладони. Удачный наряд для ассистентки.

Вернувшись, я поставила пластиковый стакан на его стол. Кофе уже начал стынуть, но я постаралась идти максимально быстро.

Он подвинул стакан подальше от бумаг и снова взял ручку. Теперь подпись вышла сразу. Я смотрела на его пальцы, но они больше не дрожали. Он повернул договор ко мне; моя строка осталась пустой. Сегодня он хотя бы подписался первым.

— Ты предсказуема, Морозова, — сказал он. — Твой бунт был частью игры. Мне нравится наблюдать, как загнанная жертва пытается кусаться. Это веселее, чем смотреть на покорных рабов.

Я потянулась за ручкой, остановилась. До подписи ещё можно спросить. После он наверняка велит принести второй кофе или выдаст новое правило. Этот вопрос у меня остался со вчерашнего вечера, и я не хотела носить его дольше.

— Почему именно я? — спросила я, глядя ему в глаза. — У тебя деньги, власть. Ты мог выбрать любую девочку с курса, которая будет улыбаться за бесплатно. Зачем тебе эта история с долгом?

Максим задержал ручку у себя. Я уже решила, что ответа не будет, но он опустил её на договор и заговорил. Медленнее, чем раньше, без смешка на моей фамилии.

— Потому что ты единственная, кто посмотрел мне в глаза, когда я унижал того бухгалтера, и не отвела взгляд от страха. Ты не боишься меня, Алиса. Ты боишься быть никем. И это делает тебя опасной.

Он помнил, как я заступилась за бухгалтера. Из всех девушек выбрал ту, которая спорила с ним при людях. Я стиснула ручку: значит, просто покорности ему будет мало.

Подписав, я перевернула лист и проверила обратную сторону. Пусто. Максим забрал его, сложил пополам и убрал во внутренний карман пиджака. Я следила за бумагой до последнего: хотелось быть уверенной, что сегодня он не направит её в корзину.

— Теперь ты моя тень, Алиса. А тени не имеют права на собственную жизнь, — сказал он. Я посмотрела на карман, куда он убрал договор: бумага торчала из-под лацкана. Для такого важного документа он сложил её слишком торопливо.

Свет погас. Я невольно шагнула назад и нащупала край стола, а он остался сидеть. Стакан кофе белел возле ноутбука. Я вспомнила туфли у двери и свои мокрые кроссовки. Договор подписан; куда мне идти теперь, он всё ещё не сказал.

Молния на платье зацепилась на середине спины. Я стояла боком к зеркалу и пыталась достать её, пока тянулась шёлковая ткань. Номер Максим назвал «президент-сютом»; мне бы хватило ванной и кровати до утра. В общежитии ещё готовили временное место. Я успела помыться, но его запах остался на платье — наверное, от рук, которыми он передавал пакет. И на приём теперь придётся идти с ним.

Я потянула молнию вниз: сниму, надену свитер, и пусть объясняет инвесторам, почему его спутница выглядит так. С ним мне уже не хватало смелости, поэтому торопилась закончить, пока я одна. — Не дёргайся.

В зеркале над моим плечом появился Максим. Я не слышала, как он вошёл, и от неожиданности потянула молнию ещё сильнее. Он убрал мою руку, прижал ткань и застегнул платье.

Грудь коснулась моих лопаток. Чтобы смотреть в зеркало, пришлось поднять подбородок; я видела только его шею и свою покрасневшую щёку. — Ты часть интерьера, Алиса. Веди себя соответственно. Я перестала тянуться к застёжке. Она уже была под самым затылком, а он ещё стоял близко. Переодеться мне не дадут.

Глава 5

В холле колледжа я старалась ступать так, чтобы каблуки не загрохотали по плитке. Полина перехватила нас у входа в зал, и трое её подруг остановились за ней. — О, какая трансформация. Тональный крем... немного неровный. Видимо, руки тряслись? Или совесть не даёт уснуть? Она подняла зеркальце к моему лицу и провела пальцем по щеке. В отражении появилась жирная полоса. Я отшатнулась, но поздно: она уже показывала её подругам. — Грязнуля, которую Волков подобрал на помойке. За её спиной засмеялись. Я потянулась вытереть щеку и увидела тональник на пальце.

Я замахнулась. Полина даже не отступила — Максим успел перехватить запястье. Он потянул меня к дверям, а она поправила прядь, будто мы закончили приятный разговор. Я попыталась вырвать руку. — Ты слышал? Он продолжал идти. Придётся вытереть лицо самой, если отпустит. Ещё минуту назад он застёгивал мне платье, теперь можно было не замечать, что его испачкали.

У дверей кто-то задел меня локтем. Я повернулась и получила шампанским по подолу: чужой бокал накренился, хозяин уже прятал его за спиной. Белый шёлк потемнел у колена. Я подхватила ткань, чтобы мокрое не липло к ноге, но так пятно стало заметнее. Кто-то снял меня на телефон. Потом ещё один. Максим уже говорил с ректором о грантах. Я коснулась его рукава. Он взглянул на пальцы, продолжил фразу и опять повернулся к собеседнику. Салфетки лежали у дальнего столика. До него нужно было пройти перед всеми с поднятым подолом, и я никак не могла сделать первый шаг.

Артур подошёл сам. В руке у него была салфетка, я сразу протянула свободную ладонь. — Алиса, я здесь. Давай выйдем на воздух, я могу... Он хотел поддержать меня под локоть. Я уже взяла салфетку, когда Максим обхватил мою талию и потянул назад. Спиной я ударила о его грудь; салфетка смялась в кулаке. — Артур, твои услуги по экономике оплачены за прошлый семестр. Не перерабатывай. Иначе контракт будет разорван. Артур посмотрел на его руку, потом на меня. Я попыталась что-то сказать, но он уже отступил. За двумя гостями его стало не видно. Максим держал меня возле себя, словно теперь я наконец стояла правильно. Я прижала салфетку к пятну, хотя от вина она уже вряд ли поможет.

Ректор велел старосте открыть бал. Я услышала первые такты вальса и поискала глазами Артура — попросить хотя бы объяснить шаги. Максим увёл меня в центр раньше. Правую руку он положил мне на лопатку, левой взял мою ладонь. Я пыталась считать и следить за его ногами одновременно. Кто-то справа прошептал «содержанка», и я на секунду посмотрела туда. Наступила ему на ботинок. Подвернула свою ступню. Подол путался, я едва не упала, но он удержал меня за спину. — На меня смотри. Я подняла глаза. Музыка не остановилась, Полина смеялась у края танцпола. Мы сделали ещё два шага. Максим взял мой вес на себя, пока я нащупывала каблуком пол. От стыда хотелось спрятать лицо у него на груди — и от этого желания стало ещё хуже. Снаружи всё должно было выглядеть красиво. Только пальцы его впивались мне под лопатку.

Между танцами я отошла к стене и сняла вес с больной ноги. Два преподавателя прошли рядом; один задержался, поправляя манжету. Из разговора я расслышала свою фамилию. «... фонд Волковых купил долг Морозова три дня назад... специально перед собеседованием...» Три дня. Я пересчитала их про себя. Он приобрёл наш долг ещё до ссоры? Значит, назвала я его нуворишем или нет — он уже мог явиться с этой бумажкой. Я посмотрела на преподавателя, но тот прошёл дальше. Максим стоял у окна. Я подошла, не решаясь спрашивать при гостях. — Иди сюда, — сказал он. Я уже была рядом; он открыл балконную дверь.

На балконе я сразу замёрзла в мокром платье. Максим курил у перил, я встала сбоку, куда не летел дым. В комнате он велел мне не дёргаться. В зале не позволил ударить Полину.

А теперь мне надо было добиться хотя бы ответа. — Зачем тебе это? Зачем ты держишь меня здесь? Как игрушку? Он раздавил сигарету о парапет. Пепел осыпался рядом с его ботинком. Я ждала, пока он дотушит, и уже злилась из-за этой мелочи: снова я жду, когда он освободится. Вместо ответа он показал телефон. «Отец». Я прочла сообщение: «Убедись, что Морозова будет молчать до конца года. Иначе мы потеряем грант. Сделка должна быть завершена любой ценой». Я попросила поддержать экран, он не убрал его сразу. Отец требовал моего молчания. Угрозы маме, договор, появление на балу — это могло быть его приказом. Но пальцы на моём запястье принадлежали Максиму. Он выбрал, как именно заставить меня молчать. — Ты зачем мне это показал? Он заблокировал экран. — Пора возвращаться. Полина ждёт. Теперь я хотя бы знала, чьего сообщения ждёт он сам.

В зале Полина окружила себя студентами. Мы ещё были у двери, а я уже слышала её рассказ. — ...а потом она случайно коснулась его руки в коридоре. Вы знаете, как быстро она привыкает к деньгам? Это не любовь, девочки. Это сделка. Интимная услуга за аннулирование долга. Один из парней повернулся на слове «услуга» и посмотрел на меня, потом на Максима. Полина тоже увидела нас, но не понизила голоса. Я ждала, что он ответит ей. Он ведь выгнал её из кабинета одним словом. Максим коснулся моего плеча и прошёл мимо. Парень усмехнулся соседу. Всё, им больше ничего не надо: он рукой подтвердил то, что должен был опровергнуть. Я нащупала телефон в кармане платья. Диктофон записал совсем другую сделку. Кофе, сопровождение, угрозы матери — и ни слова про постель. Не сейчас. Сперва надо сохранить запись так, чтобы он не смог отобрать её одним движением.

Я дождалась, когда Максим отвлечётся, и выскользнула в коридор. До двери дошла спокойно, дальше пришлось держаться за стену. Платье тянуло мокрым подолом, ступня после танца болела. Хуже всего было вспомнить лицо того парня: он посмотрел на меня после слов Полины так, будто ему тоже что-то можно. Я зажала рот ладонью. Не рыдать здесь. Сначала найти дверь наружу.

В коридоре сидели студенты. Девушка у окна толкнула подругу локтем, обе посмотрели на мои ноги. Я прибавила шаг. У лестницы кто-то тоже обернулся — наверное, просто на стук каблуков, но разбираться я уже не могла. Мне казалось, что каждый знает рассказ Полины. Я свернула за тяжёлую дверь пожарной лестницы; там хотя бы никого не было видно.

Нижняя дверь во двор не открылась. Я дёрнула ручку, прижала вниз обеими руками. Всё равно. Наверху щёлкнула лампа и погасла, я ударила дверь кулаком. Хотелось кричать «откройте», но воздух кончился посреди слова. Можно вернуться в коридор, там открыто — я знала это и никак не могла заставить себя подняться. Опустилась на пол. Дверь осталась перед лицом, только теперь ручка была слишком высоко.

Глава 6

— Алиса? Артура я узнала по голосу. Когда он подошёл, я отвернулась к двери, чтобы не смотрел на лицо. Он присел рядом, включил фонарик телефона и положил аппарат на ступень. Я задела его плечом, пытаюсь отодвинуться. — Не трогай меня. Он убрал руку. Из кармана достал платок и фляжку, поставил у моего колена. Я взяла платок. Вода тоже нужна была, но отвинтить крышку никак не получалось. Он сделал это и вернул мне фляжку.

Я попыталась пить и пролила воду на платье. Пальцы не удержали фляжку, она загремела по бетону. Я глотала воздух, точно только что бежала, а вдоха всё равно не хватало. Сейчас умру у этой дурацкой двери, и будут обсуждать, как некрасиво я это сделала. Артур отодвинул фляжку ногой, чтобы я не наступила. Взял мои ладони. Я попробовала выдернуть их; он ослабил хватку, но не отпустил. — Посмотри на меня. Назови три предмета синего цвета. Быстро. — Д-дверь... — Ещё два. И дыши со мной. Раз. Два. Три. Я увидела полоску на его галстуке. Назвала. Наклейку на перилах пришлось поискать; пока искала, стало немного легче. Третий предмет я сказала без всхлипа. Он кивнул, будто я верно решила задачу, и я неожиданно за это зацепилась. Ещё один вдох. Ещё. Руки он держал так, что мне больше не хотелось вырываться.

Когда я смогла дышать, стало стыдно за платье, пол и воду, которую вылила возле него. Сидела и помогала я обычно другим, а сейчас ассистенту приходится считать мне вдохи. — Мне не нужна жалость. Я встала слишком быстро. Колени согнулись, пришлось опуститься обратно. Артур придержал меня и не стал говорить «я же предупреждал». — Ты правда думаешь, что это жалость? Или боишься, что если станет легче, перестанешь ненавидеть их достаточно сильно? Я хотела возразить. Вместо этого смяла его платок. Ведь от злости я весь вечер держалась: смотрела на Полину, слушала Максима, не позволяла им увидеть слёзы. Если её не станет, что я завтра им покажу? Объяснить такое Артуру я не сумела. Он всё равно сидел рядом, не требовал, чтобы я отвечала красиво.

Верхняя дверь открылась. Я подняла глаза: Максим. Сразу посмотрела на свои руки — они ещё лежали в руках Артура. Я вытащила их и спрятала в складках платья. Максим спустился, придерживаясь перил двумя пальцами. Мы сидели прямо под ним. — Ваша «тень» слишком много времени проводит вне поля зрения, господин Ланский. И слишком мало — в моём. Артур поднялся. На колене у него темнело пятно от бетона, он отряхнул брюки. — Она человек, а не функция, Волков. Ей нужно было время прийти в себя. Максим задержал взгляд на пятне, потом посмотрел на меня. — Иди ко мне. Сейчас же. Или я увеличу твою нагрузку завтра вдвое. Я вцепилась в перила. От нового приказа опять захотелось сесть на пол и никуда не идти. Но теперь я могла встать. Артур помог раньше, чем Волков явился это потребовать. Я хотела сказать об этом; успела только кашлянуть. Максим ждал, и спорить между ними двумя у меня сил не оставалось.

Артур поднял фляжку и сунул мне что-то в ладонь. Я спрятала его подарок в карман, даже не рассмотрев. Он убрал телефон с фонариком. Максим повёл меня на балкон второго этажа. Снова наружу, в этом мокром платье. Я обхватила себя за локти и встала у двери, пока он смотрел на город. — Ты выглядишь ужасно. — Спасибо за заботу. — Я не о внешности. О твоей голове. Там каша. Иди спать. Завтра у тебя собеседование с ректором. По поводу твоих «поддельных» документов. Я потёрла пальцем край платка. На нём уже были следы тонального крема. Значит, завтра меня снова вызовут одну и будут раскладывать передо мной мою подпись. Надо к тому времени выспаться. Хоть немного. Максим повернулся и заметил платок. — Не заставляй меня ждать, Морозова. Договор есть договор. Я убрала ткань в кулак. Не спросил. И хорошо.

В кармане оказался леденец. Мятный; Артур сунул его мне у перил. Я развернула обёртку и положила конфету под язык. Сладкое впервые за вечер перестало вызывать тошноту. Про-

ходя мимо Волкова, я отвела лицо — боялась, что он опять потребует объяснений, почему задержалась.

На выходе я оглянулась. Артур стоял возле лестницы, держал фляжку. Я успела кивнуть, прежде чем Максим взял меня под локоть. Его рука не мешала мне теперь идти, но отпускать локоть он всё равно не собирался. Я сосала леденец и считала, сколько осталось до сна. Завтра у ректора буду смотреть на бумаги, а если не смогу дышать — на синие вещи. Пусть это окажется хоть его папка. Назову её про себя и дослушаю вопрос.

Я села на последнюю парту в №304. Солнечная полоска попала прямо на тетрадь, пришлось передвинуть её к себе. Отсюда было видно затылок Максима. Ещё час смотреть в другую сторону — вот моя задача на эту лекцию. Я записала дату и несколько раз обвела последнюю цифру.

Громов говорил о макроэкономике. Кондиционер мешал слышать окончания фраз, но вопрос я разобрала: — Какова моральная цена капитала? Когда прибыль становится преступлением? Я перестала обводить дату. В конспекте такого определения не было. Зато дома об этом говорили часто.

Профессор ждал. В первом ряду кто-то листал тетрадь в поисках цитаты. Я вспомнила отцовское «Посмотри, кто за это платит» — он так спрашивал, когда я хвасталась удобным решением задачки. Рука поднялась раньше, чем я посмотрела на Волкова. Теперь Громов уже заметил меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.